

УДК 316.472.4:331.101.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-0-7

Щеглов А. К.¹,
Лысенко Е. М.²

Анатомия зависимости: функциональная роль стигматизации профессий в управлении коллективной тревогой

¹ Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», ул. 1-я Красноармейская, д. 1, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия; alex.sbt@mail.ru

² Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», ул. 1-я Красноармейская, д. 1, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия; lem280662@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются аффективные и структурные причины низкого статуса профессий критической инфраструктуры. На материале анализа исторических данных (роль санитарии в демографическом переходе) и недавних кризисов (COVID-19) демонстрируется несоответствие между функциональной значимостью труда и его общественным признанием. Авторы доказывают, что стигматизация выступает защитной реакцией общества на высокую степень зависимости от агентов, не связанных фидуциарными обязательствами (в отличие от института медицины). Стигма интерпретируется как технология управления коллективной тревогой, позволяющая вытеснить осознание уязвимости на периферию общественного внимания.

Ключевые слова: профессиональная стигма; негативная власть; грязная работа; *dirty work*; стигматизация труда; невидимый труд; риск-менеджмент

Для цитирования: Щеглов, А. К. и Лысенко, Е. М. (2026), «Анатомия зависимости: функциональная роль стигматизации профессий в управлении коллективной тревогой», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(1), 80-92. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-0-7

A. K. Shcheglov¹,
E. M. Lysenko²

Anatomy of addiction: The functional role of occupational stigma in managing collective anxiety

¹D.F. Ustinov Baltic State Technical University "VOENMEKH",
1 1st Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia; alex.sbt@mail.ru

²D.F. Ustinov Baltic State Technical University "VOENMEKH",
1 1st Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia; lem280662@mail.ru

Abstract. This article investigates the affective and structural determinants underlying the low status of critical infrastructure professions. Drawing on historical data (specifically the role of sanitation in the demographic transition) and crisis analysis (the COVID-19 pandemic), the study demonstrates the marked discrepancy between the functional significance of this labor and its public recognition. The authors argue that stigmatization serves as a societal defense mechanism against a high degree of dependence on agents who lack fiduciary obligations, in contrast to the institution of medicine. Consequently, stigma is interpreted as a technology for managing collective anxiety, enabling society to displace the awareness of its own vulnerability to the periphery of public attention.

Keywords: professional stigma, negative power, dirty work, labor stigmatization, invisible labor, risk management.

For citation: Shcheglov, A. K. and Lysenko, E. M. (2026), “Anatomy of addiction: The functional role of occupational stigma in managing collective anxiety”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(1), 81-92, DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-0-7

Введение

Современная цивилизация покоится на хрупком соглашении о невидимости обеспечивающего труда. Мы привыкли воспринимать чистоту улиц, наличие топлива на заправках и движение транспорта как данность, как естественное свойство городской среды. Однако эта «естественность» есть результат непрерывного, сизифова труда стигматизированных профессиональных групп. Стоит этому труду остановиться, как иллюзия цивилизованности рассеивается с пугающей скоростью, обнажая реальность, которую можно охарактеризовать как «биополитический коллапс». Чтобы понять природу «власти остановки» – той негативной власти, которой обладают низкостатусные группы, – достаточно взглянуть на хроники санитарных и инфраструктурных забастовок. Эти события демонстрируют, как быстро социальный порядок превращается в хаос, а городское пространство моментально погружается в состояние «онтологической незащищенности».

В апреле 2022 года Новосибирск столкнулся с так называемой «санитарной блокадой». Забастовка водителей компании «ЭкоТранс-Н», вызванная трудовым спором, привела к тому, что 80 единиц спецтехники не вышли на маршруты. В условиях плотной городской застройки это мгновенно парализовало внутренние дворы. Горы отходов физически блокировали подъездные пути для экстренных служб¹. Здесь мы наблюдаем трансформацию восприятия: мусор из эстетической проблемы превращается в прямую экзистенциальную угрозу. Когда скорая помощь не может проехать к пациенту из-за завала ТКО, структурная власть работников санитарных служб становится сопоставимой с властью врача, но проявляется в своем негативном, ограничивающем аспекте.

Еще более радикальный пример продемонстрировал Челябинск в 2018 году. Сбои в графике вывоза отходов превратили места накопления ТКО в открытые инкубаторы для патогенной микрофлоры и переносчиков инфекционных заболеваний. Гниение органики привело к массовому нашествию переносчиков инфекций – крыс и насекомых, которые начали колонизировать жилые пространства. Введение режима ЧС регионального масштаба стало официальным признанием того, что отказ группы «непрестижных» рабочих способен аннулировать правовой порядок и вернуть общество в гоббсовское «естественное состояние»². Аналогичные сценарии в Волгограде³ (2023) и Красноярске⁴ (2025) иллюстрируют скорость, с которой «невидимые» работники могут обрушить городскую экосистему.

Однако наиболее репрезентативным остается пример Нью-Йорка 1968 года. Девятидневная забастовка санитарных служб накопила 100 000 тонн гниющих отходов. Главный санитарный врач города предрек возвращение средневековых эпидемий – брюшного

¹ 80 мусоровозов не вышли на работу в Новосибирске, — риски для города (2022), *РБК Новосибирск*, 19 апреля. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/19/04/2022/625e306d9a7947f35acff5df> (дата обращения: 09.01.2026).

² В Челябинске ввели режим ЧС из-за мусорного коллапса (2018), *Коммерсантъ (Челябинск / «Южный Урал»)*, 26 сентября, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3752570> (дата обращения: 09.01.2026).

³ В Волгограде и области ввели режим повышенной готовности из-за мусора (2023), *Информационное агентство «Высота 102»*, 13 июля, URL: <https://v102.ru/news/121934.html> (дата обращения: 09.01.2026).

⁴ Прокуратура проверит условия работы водителей мусоровозов в Красноярске (2025), *РИА Новости*, 25 июня, URL: <https://ria.ru/20250625/krasnojarsk-2025347998.html> (дата обращения: 09.01.2026).

тифа и чумы. Город, претендующий на роль столицы мира, за неделю превратился в зону бедствия, где армия (Национальная гвардия) рассматривалась как единственное средство спасения от собственного мусора. Забастовка мусорщиков закончилась после того, как губернатор города Нельсон Рокфеллер объявил чрезвычайное положение и удовлетворил требования рабочих⁵.

Описанные инциденты не являются досадными исключениями; напротив, они обнажают глубинный фундамент цивилизации, который остается невидимым в эпохи стабильности.

Эмпирический анализ инфраструктурных кризисов – от Нью-Йоркской забастовки 1968 года до современных коллапсов водоочистки – заставляет пересмотреть наши представления об источниках цивилизационного прогресса. Историческая демография свидетельствует, что беспрецедентный рост средней продолжительности жизни (с 30–40 до 70+ лет) в первой половине XX века был обеспечен не столько прорывами «высокой» клинической медицины, сколько «санитарной революцией». Внедрение систем фильтрации воды, централизованной канализации и регулярного вывоза мусора стало главным фактором снижения смертности от инфекций (холеры, брюшного тифа), радикально сократив детскую смертность. Данные по США рубежа XIX–XX веков однозначно указывают: технологии «чистой воды» и ассенизации спасли больше жизней, чем вся медицина того периода. Антибиотики, вакцины и сложные хирургические операции вступили в игру позже, в основном продлевая жизнь пожилым и купируя острые состояния, но фундамент биологической безопасности был заложен именно базовой инфраструктурой гигиены (Cutler, Miller, 2004). В этом контексте «мусорщики», работники канализации и водоочистки являются, по сути, главными архитекторами современного долголетия. ВОЗ напрямую связывает сбои в управлении отходами с рисками эпидемических вспышек, распространением переносчиков (грызунов) и блокировкой дренажных систем. Любой сбой в этой невидимой сети мгновенно возвращает общество в состояние биологической уязвимости.

Здесь мы сталкиваемся с фундаментальным парадоксом социальной философии. Если современная цивилизация в контексте физического выживания объективно обязана ассенизатору и мусорщику больше, чем врачу-хирургу, то почему именно эти профессии подвергаются наиболее жесткой социальной стигматизации?

Этот феномен нельзя объяснить исключительно через категорию «полезности». Во-первых, на антропологическом уровне действуют архаичные психологические коды отвращения. Как показала Мэри Дуглас в работе «Чистота и опасность», культура строится на жестком разграничении сакрального (чистого) и профанного (грязного). Те, кто профессионально взаимодействует с продуктами распада – фекалиями, мусором, трупами – символически «заражаются» этим распадом. Они нарушают границы стерильного социального тела, становясь неприкасаемыми (Дуглас, 2000: 190). В этой логике их труд не может быть уважаемым, потому что он связан с тем, что общество исторгло из себя и хочет забыть.

Во-вторых, работает когнитивный фактор видимости результата. Врач или архитектор производят «событие» – спасенную жизнь или здание. Продукт труда мусорщика – это «отсутствие события» (отсутствие эпидемии, отсутствие грязи). Человеческая психика плохо оценивает предотвращенный ущерб; мы замечаем чистоту только в момент ее исчезновения. Это делает инфраструктурный труд «фоновым», лишая его героического нарратива.

В-третьих, и это определяющий фактор, который мы раскроем далее, распределение престижа подчиняется не логике справедливости, а императивам сохранения властного баланса. Существует структурный риск: если бы символический статус «грязной работы» был

⁵ New York: Fragrant Days in Fun City (1968), *TIME*, February 16, URL: <https://time.com/archive/6631707/new-york-fragrant-days-in-fun-city/> (accessed: 09.01.2026)

приведен в соответствие с ее реальной биологической ценностью (как условия выживания вида), это неизбежно спровоцировало бы радикальное перераспределение экономических и политических ресурсов. В этой оптике стигматизация выступает как продуманная стратегия системного самосохранения: она искусственно занижает стоимость жизненно важного труда, маркируя его как «низкий» и лишенный квалификации. Лишая носителей этого труда символического достоинства, общество страхует себя от осознания собственной хрупкости, превращая потенциальных «суверенов рубильника» в невидимый и безгласный придаток городского метаболизма.

Фундаментальный разлом в архитектуре современного общества проходит по линии расхождения двух шкал оценивания: аксиологической (статусной) и функциональной (системной). Социальная иерархия распределяет символический престиж, тогда как иерархия устойчивости картирует зоны критической уязвимости. Глобальный кризис COVID-19 выступил в роли «момента истины», обнажившего структурную хрупкость современного социального порядка. Введение категории «работников жизнеобеспечения» (Essential Workers) в США и странах Европы де-факто стало *институциональным признанием* того, что устойчивость цивилизации критически зависит от акторов, обладающих минимальным символическим и экономическим капиталом: официальные перечни необходимого персонала практически полностью совпали с профессиональными группами, находящимися в зоне системной стигматизации. Детальный анализ реестра «необходимых профессий» выявляет устойчивую закономерность: около 74 % позиций, обеспечивающих физическое воспроизводство социума, локализованы в стратах низкого престижа. Эта иерархия стигмы носит градиентный характер. Согласно критериям Эверетта Хьюза⁶, ядро данной группы (порядка 12 % от списка) составляют носители «физической стигмы» – персонал, занятый трудом, связанным с нечистотами, утилизацией отходов и биологическим распадом (сборщики ТКО, работники пенитенциарной системы и моргов). Второй контур, охватывающий около 44 % позиций, маркируется «функциональной стигмой» и включает профессии телесного ухода, сервиса и опасного физического труда (младший медицинский персонал, водители грузового транспорта, работники добывающей промышленности). Третий, наиболее обширный слой, доводящий долю стигматизированного труда до трех четвертей (74 %), объединяет «синих воротничков» в сферах массового ритейла, складской логистики и рутинного администрирования (Kinder, Stateler, Du, 2020).

Природа власти профессионала

Статистическое совпадение зон жизненной необходимости и зон социального отчуждения требует перехода от эмпирического описания к концептуальному анализу природы этого разрыва. Для этого необходимо сопоставить инфраструктурный персонал с другими группами, от которых также зависит жизнь общества, но которые обладают высоким престижем.

В современной социальной философии категория власти традиционно рассматривается через призму действия, как способность инициировать процессы, принуждать к труду или трансформировать реальность. Однако для понимания природы «власти остановки», которой обладают стигматизированные профессиональные группы, необходимо обратиться к более тонкому различению, предложенному Джорджо Агамбенем. Философ постулирует, что подлинная природа человеческой способности (*dynamis*) кроется не в слепом акте свершения, а в возможности его затормозить. Опираясь на идеи Аристотеля (Аристотель, 1934: 92),

⁶ Концепция «грязной работы» Эверетта Хьюза предполагает три измерения стигматизации: 1) физическое (прямой контакт с отходами, грязью, смертью или телесными жидкостями); 2) социальное (труд, предполагающий подчеркнуто подчиненное положение или контакт с маргинализированными группами — преступниками, душевнобольными и т. д.); 3) моральное (деятельность, считающаяся этически двусмысленной или «неблагородной»). См. также (Ловаков, 2013).

Агамбен напоминает нам, что «каждая способность делать что-либо по определению подразумевает способность не делать чего-либо» (Агамбен, 2014: 74-75). В этом пункте пролегает демаркационная линия между биологическим автоматизмом и человеческой субъектностью. Если огонь может «лишь гореть», а животные действуют строго в рамках своего биологического предназначения, то человек определяется как существо, «которое способно на собственную неспособность» (*adynamia*). Именно эта «двойственность, постоянно присутствующая способность быть и не быть, делать и не делать», наполняет человеческое действие реальным содержанием и превращает его в «умение».

Глобализация и урбанизация создали беспрецедентную по своей протяженности и взаимозависимости инфраструктуру, которая, по сути, представляет собой конвейер длиной в планету. Однако каждый стык этого конвейера являются потенциальным местом реализации «власти остановки». Ульрих Бек утверждал, что современность производит риски, которые невозможно локализовать, а техническое развитие делает катастрофу «встроенной» в саму структуру общества (Бек, 2000: 14). Корреляция между сложностью социальной организации и объемом «негативной власти», доступной рядовому актору, носит прямой и детерминированный характер. В современной социальной философии это явление можно описать через инфляцию «точек вето» (*veto points*) – критических узлов, где поток ресурсов, информации или услуг может быть прерван волевым решением одного субъекта (вето-игрока⁷). Сложность системы превращает каждого участника инфраструктурного процесса в обладателя своего рода «негативного суверенитета». Это способность единолично ввести чрезвычайное положение в локальном масштабе, которое в силу связности системы немедленно становится проблемой глобального уровня. Мы построили цивилизацию, которая функционирует как единый организм, но забыли, что в едином организме тромб в одном сосуде может привести к непоправимым последствиям для всей системы.

Механика системной асимметрии

По мере усложнения системы созидательная власть (как способность делать) расплывается и становится коллективной, требующей долгих согласований, в то время как деструктивная власть концентрируется и становится индивидуальной, доступной для немедленного применения. Данная онтологическая асимметрия находит свое подтверждение как в классической политической философии, так и в современной теории институтов. Согласно Ханне Арендт, созидательная власть (*power*) по определению является результатом «действия сообща»: она возникает лишь в пространстве плюральности и требует непрерывного дискурсивного согласования интересов (Арендт, 2014: 52). В условиях усложняющейся цивилизации это означает, что любое позитивное действие обременяется колоссальными транзакционными издержками достижения консенсуса. Однако «власть остановки» обнаруживает совершенно иную природу: в то время как созидание нуждается в соучастии множества, для деструкции или прерывания социального процесса достаточно воли одного.

Структурно этот процесс переключается с концепцией Тимоти Митчелла о «власти саботажа», согласно которой в сложных системах контроль над узловыми точками инфраструктуры важнее формальной иерархии. В рамках этой логики каждый

⁷ Большая российская энциклопедия дает следующее определение: Вето-игрок (англ. veto player), индивидуальный или коллективный актор (политический институт), имеющий возможность использовать право вето, накладывая его на любое политическое решение на этапе его обсуждения или на этапе принятия путем голосования. Вето-игроки могут использовать право вето исходя из индивидуальных или корпоративно-институциональных интересов. Концепция вето-игроков была сформулирована американским политологом Дж. Цебелисом для того, чтобы проводить детальные исследования поведения акторов (политических институтов) и их взаимодействий между собой. (<https://bigenc.ru/c/veto-igrok-dced05?ysclid=mn7glnensx629195272>)

стигматизированный работник, находящийся в критическом узле сети, наделяется правом фактического вето на функционирование всей системы (Митчелл, 2014: 243). Асимметрия цивилизации заключается в том, что «позитивная» власть парализована необходимостью тотального консенсуса, в то время как «негативная» власть индивидуализируется и становится точечной. Высокая сложность системы делает ее деавтоматизацию пугающе доступной: локальное прерывание потока единственным субъектом инициирует деструктивную волну, парализующую весь институциональный контур. Коллапс системы перестает требовать массового участия и долгого согласования, становясь инструментом индивидуального произвола, способного в одностороннем порядке аннулировать итоги долгосрочного коллективного созидания. В такой топологии стратегическое преимущество всегда находится на стороне отрицания: «стоимость» блокировки процесса стремится к нулю, поскольку она доступна в одностороннем порядке, тогда как «стоимость» поддержания функционирования становится колоссально высокой из-за необходимости преодолевать множество фильтров согласования.

Фундаментальный характер описанной топологии проявляется в радикальной асимметрии затрат: производство «негативной власти» оказывается экономически и организационно доступнее производства власти «позитивной». В рамках социальной физики процессов можно сформулировать своего рода «закон разрушения»: поддержание ламинарного потока ресурсов требует согласованной энергии сотен элементов, тогда как для инициирования турбулентности или полной остановки достаточно инерции одного критического узла. Созидательная власть (позитивная) по своей природе аддитивна: она требует аккумуляции ресурсов, легитимности и непрерывной координации множества акторов. Напротив, «негативная власть» субтрактивна: для ее реализации достаточно лишь занять стратегическую позицию в узловой точке (*choke point*) и совершить акт отказа. Как демонстрирует Альберт Хиршман в своей триаде «Exit, Voice, and Loyalty», возможность «выхода» (остановки участия) часто является наиболее доступным и экономичным политическим ресурсом и, в отличие от ресурсозатратной стратегии «голоса» (*voice*), обладает мгновенным эффектом при минимальных вложениях (Хиршман, 2009: 126). Эта асимметрия дополняется микропрактиками «тихого отказа», которые Джеймс Скотт определяет как «искусство сопротивления»: деструктивный жест не нуждается в коллективной легитимности или сложной координации – ему достаточно стратегической позиции в узле инфраструктуры (Скотт, 2025: 71-74). Таким образом, «власть нет» становится асимметричным оружием, превращающим индивидуальный саботаж в максимально эффективную технологию доминирования.

Трансформация власти в XXI веке неразрывно связана с архитектурным переустройством глобального пространства. Если иерархии прошлого века функционировали через прямое дисциплинарное воздействие (в логике Мишеля Фуко), то современные системы управления опираются на специфическую топологию, предсказанную Жилем Делёзом в его концепции «обществ контроля». Делёз утверждал, что власть больше не запирает в стенах завода или тюрьмы, а модулирует доступ через цифровые коды и пароли (Делёз, 2004: 229-230). Эта философская интуиция обрела материальную форму в топологии сетей, описанной Фарреллом и Ньюманом: в мире, где эффективность диктует концентрацию ресурсов, рождаются «узловые точки» (*choke points*), ставшие физическим воплощением делёзовских контрольно-пропускных пунктов. Оптимизация потоков информации и капитала привела к тому, что независимость была принесена в жертву интеграции, превратив связность в оружие (Farrell, Newman, 2019). Власть остановки становится доминирующей, эксплуатируя уязвимость интеграции. В этой реальности оружием становится пауза, а субъектом власти – тот, кто обладает правом (легитимным или нет) на остановку потока. Таким образом, социальная реальность определяется асимметрией между коллективными усилиями по

созданию связности и индивидуальной легкостью ее аннулирования, что превращает инфраструктурный узел в главный престол современного суверенитета.

Однако сама топология узлов и потоков еще не объясняет, почему власть остановки так легко превращается в устойчивый экономический ресурс. Здесь полезно сделать шаг от «геометрии сети» к «геометрии торга». Именно это делает лауреат нобелевской премии по экономике Томас Шеллинг: он показывает, что переговорная сила возникает не из способности произвести благо, а из способности причинить ущерб – или убедительно продемонстрировать готовность к нему. В его формуле «power to hurt» выступает особым видом переговорной силы: угроза ущерба работает как валюта, которая обменивается на уступку, цену, исключение, приоритет, иммунитет. В условиях сетевой интеграции такая угроза становится особенно «ликвидной», потому что ущерб масштабируется автоматически: остановка в одном узле транслируется в каскад издержек по всей цепочке. Поэтому власть в узле – это не просто возможность «не пропустить», а возможность назначить цену непрерывности (Schelling, 2008: 2). Отсюда вытекает критическая экономическая инверсия: держатель «власти остановки» может получать доход не как производитель добавленной стоимости, а как владелец отрицательной опции – права (или способности) отменить чужую работу. Его «продукт» – не результат, а отсутствие ущерба; его «услуга» – не созидание, а снятие угрозы. В такой структуре рациональность системы начинает смещаться: вместо инвестиций в расширение возможностей и создание новых связей растут инвестиции в минимизацию уязвимости – в процедуры допуска, согласования, комплаенса, страхования, аудита, и в институциональное закрепление того, кто именно имеет право нажимать «стоп». В организации или социальной системе возникает отрицательный отбор: стратегически выгоднее занять позицию шлагбаума, чем позицию инженера, потому что шлагбаум монетизирует не труд, а зависимость. Это тот момент, где делёзовский «контрольно-пропускной пункт» окончательно перестает быть метафорой: контроль – это не дисциплина и не убеждение, а инфраструктурная форма торга, где базовый аргумент звучит предельно просто: «либо платите (в деньгах, уступках, статусе, исключениях), либо поток будет остановлен»

Институциональная демаркация

Однако если потенциал «власти остановки» столь велик, возникает вопрос: почему система наделяет престижем одних ее носителей и клеймит других? Здесь необходимо провести жесткую демаркацию между стигматизированным инфраструктурным персоналом и «героическими» профессиями спасения (врачи, пожарные). Хотя обе группы обладают критической «властью остановки» (их невыход на работу имеет прямые последствия для жизни и безопасности), врачи и спасатели избавлены от стигмы благодаря принципиально иной природе их контракта с обществом. Согласно теории Толкотта Парсонса, медицина функционирует не как бизнес, а как институт, основанный на «ориентации на коллектив» (collectivity-orientation), в противовес рыночной «ориентации на себя» (Parsons, 1991: 355-357). Высокий статус и престиж вручаются врачам авансом как форма «фидуциарного доверия»: общество наделяет их властью только при условии, что они не будут использовать свою монополию на экспертизу для эгоистического торга. Клятва Гиппократа у врачей, так же как и Присяга у сотрудников силовых ведомств и спасателей, выступает не просто ритуалом, а инструментом социального контроля – это «золотые наручники», делающие использование «власти остановки» (забастовки, отказ в помощи) морально нелегитимным и институционально санкционируемым. Напротив, работники санитарии и логистики не связаны сакральным контрактом «служения». Их отношения с обществом носят чисто рыночный, контрактный характер.

Именно поэтому общество инстинктивно стигматизирует их: поскольку у них нет *внутреннего* морального запрета на остановку системы (как у врачей), социум воспроизводит

культурное ограничение в виде презрения и невидимости. Стигма – это защитная реакция на тех, кто обладает властью разрушить наш быт, но не давал клятвы этого не делать.

Механизмы подавления страха

Столкнувшись с доминированием «власти останковки» в XXI веке, социальная система формирует двухконтурную защиту, направленную на нейтрализацию этого деструктивного потенциала. Борьба ведется одновременно на двух уровнях: архитектурном (внешнем) и символическом (внутреннем).

Внешний контур (структурно-институциональный / архитектурный)

Осознавая, что в топологии XXI века доминирует не «власть приказа», а «власть узла» (согласно теории сетей Фаррелла и Ньюмана), институты стремятся превентивно перепроектировать архитектуру зависимостей таким образом, чтобы минимизировать саму возможность блокировки. Как отмечает профессор инженерных систем Йосси Шеффи, ключевая стратегия здесь – инженерно-экономическая деконцентрация: снижение центральности узлов, повышение модульности и внедрение принципа *resilience by design* («устойчивость через дизайн») (Жизнестойкое предприятие, 2016).

Наиболее наглядно эта борьба проявляется в трансформации рынка интеллектуального труда, где система вырабатывает «антитела» против незаменимости специалистов. На примере IT-индустрии мы видим комплексную стратегию по изъятию «власти останковки» у программиста. Стандартизация через фреймворки (Agile, Scrum) превращает «магическое ремесло» одиночки в прозрачный индустриальный конвейер, где функция распределена между заменяемыми элементами. Внедрение генеративного ИИ (LLM) выступает как инструмент радикального снижения порога входа, лишая узкого специалиста монополии на интерпретацию кода («власть хранителя карты»). Параллельно происходит отчуждение суверенитета через аутсорсинг и облачные сервисы: компаниям безопаснее делегировать контроль внешней корпорации, связанной жестким контрактом, чем зависеть от воли конкретного сотрудника.

В институциональном поле эта логика реализуется через механизмы правового и технологического исключения. Там, где цена останковки запретительно высока, государство вводит прямое законодательное вето: примером служит Taylor Law в штате Нью-Йорк, криминализирующий забастовки госслужащих. Однако, как показал Тимоти Митчелл в «Углеродной демократии», наиболее эффективным методом является смена материальной базы. Переход от угля к нефти был стратегическим решением элит, направленным на ликвидацию «демократии узкого места»: нефть, текущая по трубам под автоматическим контролем, лишила рабочих физической возможности блокировать энергопотоки, которой обладали шахтеры. Финальный риск этой траектории заключается в том, что стремление элит к «бесперебойности» ведет к созданию полностью автоматизированных систем, исключаящих человеческий фактор как таковой (Митчелл, 2014: 244). Желая нейтрализовать того, кто может нажать «стоп», архитекторы создают форму цифрового авторитаризма, где субъектность низов аннигилируется на уровне дизайна.

Внутренний контур (символическая стигматизация)

Там же, где «человеческий узел» устранить нельзя, система прибегает ко второй стратегии – ментальной нейтрализации через стигматизацию. Не имея возможности отобразить у санитарных или логистических служб их функциональную власть, общество атакует их самооценку. Стигма функционирует как «программное обеспечение» покорности: она маскирует реальную иерархию зависимости, убеждая носителей критической власти в их социальной ничтожности. В терминах Брюса Линка и Джо Фелан, этот процесс представляет собой реализацию «власти стигмы» (*stigma power*). Авторы подчеркивают, что стигма – это не просто социальный побочный эффект, а конкретный ресурс, используемый доминирующими группами для достижения цели «удержания людей внизу» (*keeping people down*). В данном

контексте стигматизация инфраструктурного труда превращается в технологию распределения «социальной ценности и значимости» (value and worth), где низкий статус работника служит гарантией того, что его функциональная власть не будет конвертирована в субъектное влияние (Link, Phelan, 2014). Таким образом, если архитектура отбирает возможность остановить поток физически, то стигма отбирает моральное право на использование этой возможности.

Традиционное понимание социальной стигматизации как случайной «ошибки морали» или побочного продукта эстетического отвращения к «грязному» труду скрывает за собой фундаментальный механизм функционального дизайна общества. В действительности интенсивность стигматизации профессии прямо пропорциональна потенциальному ущербу, который она может нанести через реализацию «власти остановки». Общество наделяет носителей критических функций низким статусом не из-за простоты их труда, а вследствие *панического страха* перед собственной тотальной зависимостью от них. Стигматизация здесь выступает как политическая технология «обезоруживания» потенциальных вето-игроков, удерживающая тех, кто держит руку на «выключателе» цивилизации, в состоянии символической немoty.

Однако в инфраструктурных системах сценарий негативной власти блокируется через символическое насилие и габитус (Пьер Бурдьё). Стигма эффективна лишь тогда, когда угнетенные интериоризируют свою неполноценность: она работает не как внешний запрет, а как внутренний барьер (Бурдьё, Пассрон, 2006). Она убеждает работника, что его деятельность – это не «суверенное управление инфраструктурой», а «постыдная возня». В то время как реализация «власти остановки» требует публичной манифестации субъектности, стигма принуждает носителя к невидимости.

Этот феномен невидимости является ключевым свойством инфраструктуры, которую Сьюзен Ли Стар определяет как «замороженные социальные отношения». Инфраструктура обязана оставаться незаметной; это свойство переносится и на человеческий труд, превращая его в «прозрачную функцию». Мы прозреваем и осознаем существование сантехника или мусорщика только через негативный опыт – в момент поломки (brokenness) (Star, Strauss, 1999). В этой оптике стремление работника оставаться «в тени» (интериоризированное через стигму) идеально совпадает с функциональным требованием самой инфраструктуры быть незаметной. Психологическая потребность стигматизированного скрыть свой «постыдный» статус становится гарантом стабильности системы: он не останавливает поток не из страха наказания, а из страха быть увиденным.

Для теоретического обоснования этого феномена необходимо обратиться к концепции «Третьего измерения власти», предложенной Стивеном Льюксом. Если первое измерение власти реализуется через открытый конфликт и решения, а второе – через манипуляцию повесткой, то третье измерение оперирует на уровне формирования сознания. Власть здесь проявляется в способности заставить подчиненных принять свое положение как «естественное» или даже «справедливое», блокируя саму возможность осознания своих истинных интересов. В контексте инфраструктурного труда стигма выполняет именно эту функцию: она интериоризирует чувство неполноценности. Внушая работникам санитарии или техобслуживания, что их деятельность является «грязной», «временной» или «стыдной», общество предотвращает превращение латентного конфликта (обладание властью остановки) в явный (политический шантаж). Льюкс формулирует тезис, что, что высшая форма господства заключается не в победе в споре, а в предотвращении спора как такового – путем формирования у субъекта представлений, делающих конфликт немыслимым. Управляющие элиты используют культурное презрение, чтобы инфраструктурный персонал добровольно исключил себя из поля политической субъектности, считая себя «недостойным» диктовать условия. Это делает претензию на остановку не просто спорной, а «неприличной» (Льюкс, 2010: 175-176).

Эта психологическая блокировка находит свое экономическое продолжение в логике коллективных действий Мансура Олсона. Согласно Олсону, большие группы со скрытым потенциалом влияния («латентные группы») часто не могут реализовать свою власть из-за высоких издержек на самоорганизацию (Олсон, 1995: 42). Стигма в данном случае выступает мощнейшим инструментом повышения этих «транзакционных издержек солидарности». Для эффективной забастовки необходима групповая идентичность и гордость принадлежностью к цеху. Стигматизация же атомизирует работников, навязывая стратегию индивидуального дистанцирования («я здесь временно», «я не такой, как они»). Вместо консолидации вокруг своей реальной власти, работники выбирают стратегии индивидуального бегства или мимикрии. Разрушая горизонтальные связи, стигма удерживает группу с колоссальным деструктивным потенциалом в состоянии перманентной латентности. Для системы это критически важно: пока «власть остановки» рассеяна в виде индивидуального саботажа или текучки кадров, она безопасна. Таким образом, социальное презрение выполняет важнейшую стабилизирующую функцию: оно удерживает потенциально мощную группу влияния в состоянии политической немоты, гарантируя, что ключи от рубильника останутся в руках тех, кто не смеет ими воспользоваться.

В конечном счете, распределение престижа в обществе отражает карту коллективных страхов. Стигматизация «невидимого труда» является не ошибкой восприятия, а индикатором разрыва между уровнем зависимости и уровнем доверия. В отсутствие сакральных обязательств, подобных врачебной клятве, общество компенсирует свою тревогу перед «властью остановки» через механизмы символического исключения. Стигма в данном контексте представляет собой форму символической анестезии, купирующей коллективную тревогу перед лицом тотальной и пугающей зависимости.

Литература

- Агамбен, Дж. (2014), «О том, чего мы можем не делать», в кн.: *Нагота*, пер. с итал. Лепилова, ООО «Издательство Грюндриссе», Москва, 74-77.
- Арендт, Х. (2014), *О насилии*, пер. с англ. Дашевский, Г. М., Новое издательство, Москва.
- Аристотель (1934), *Метафизика*, пер. Кубицкий, А. В., Соцэргиз, Москва, Ленинград.
- Бек, У. (2000), *Общество риска. На пути к другому модерну*, пер. с нем. Седелник, В. и Федорова, Н., Прогресс-Традиция, Москва.
- Бурдье, П. и Пассрон, Ж.-К. (2006), «Основы теории символического насилия», *Вопросы образования*, 2, 39–60.
- Делёз, Ж. (2004), *Переговоры. 1972–1990*, пер. с фр. Быстров, В. Ю., Наука, Санкт-Петербург.
- Дуглас, М. (2000), *Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу*. Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, Москва.
- «Жизнестойкое предприятие. Как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество» (2016), *Стратегические решения и риск-менеджмент*, 6, 110–113.
- Ловаков, А. В. (2013), «Когнитивные и поведенческие стратегии преодоления эффекта грязной работы», *Социальная психология и общество*, 4(3), 153–162. EDN: RBTQQF
- Льюкс, С. (2010), *Власть: Радикальный взгляд*, пер. с англ. Кырлежев, А. И., Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, Москва.
- Митчелл, Т. (2014), *Углеродная демократия: Политическая власть в эпоху нефти*, пер. с англ. Кралечкин, Д., Изд. дом «Дело» РАНХиГС, Москва.
- Олсон, М. (1995), *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*, ФЭИ, Москва.

Скотт, Д. (2025), *Оружие слабых: повседневные формы крестьянского сопротивления*, пер. с англ. Проценко, Н., Циолковский, Москва.

Хиршман, А. О. (2009), *Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств*, пер. с англ. Пинскер, Б., Новое издательство, Москва.

Cutler, D. and Miller, G. (2004), “The Role of Public Health Improvements in Health Advances: The 20th Century United States”, *National Bureau of Economic Research Working Paper Series*, 10511. DOI: 10.3386/w10511.

Farrell, H. and Newman, A. (2019), “Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion”, *International Security*, 44(1), 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.

Kinder, M., Stalder, L. and Du, J. (2020), “Examining options to boost essential worker wages during the pandemic”, *Brookings Institution*, August 24, [Online], available at: <https://www.brookings.edu/articles/examining-options-to-boost-essential-worker-wages-during-the-pandemic/> (accessed: 12.01.2026).

Link, B. G. and Phelan, J. (2014), “Stigma power”, *Social Science & Medicine*, 103, 24–32. DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.09.011.

Parsons, T. (1991), *The Social System*, with a new preface by Turner, Bryan S., Routledge, London, UK.

Schelling, T. C. (2008), *Arms and Influence*, Yale University Press, New Haven, USA.

Star, S. L. and Strauss, A. (1999), “Layers of Silence, Arenas of Voice: The Ecology of Visible and Invisible Work”, *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 8(1–2), 9–30. DOI: 10.1023/A:1008651105359.

References

Agamben, G. (2014), “On what we may not do”, in *Nagota* [Nudity], Translated by Lepilova, M., ООО “Izdatelstvo Gryundrisse”, Moscow, Russia, 74–77 (in Russ.).

Arendt, H. (2014), *O nasilii* [On Violence], Translated by Dashevsky, G. M., Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Aristotle (1934), *Metafizika* [Metaphysics], Translated by Kubitsky, A. V., Sotsekgiz, Moscow and Leningrad, USSR (in Russ.).

Beck, U. (2000), *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Translated by Sedelnik, V. and Fedorova, N., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Bourdieu, P. and Passeron, J.-C. (2006), “Foundations of the theory of symbolic violence”, *Voprosy obrazovaniya*, 2, 39–60 (in Russ.).

Cutler, D. and Miller, G. (2004), “The Role of Public Health Improvements in Health Advances: The 20th Century United States”, *National Bureau of Economic Research Working Paper Series*, 10511, DOI: 10.3386/w10511.

Deleuze, G. (2004), *Peregovory. 1972–1990* [Negotiations. 1972–1990], Translated by Bystrov, V. Yu., Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Douglas, M. (2000), *Chistota i opasnost: analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo], Kanon-Press-Ts and Kuchkovo pole, Moscow, Russia (in Russ.).

Farrell, H. and Newman, A. (2019), “Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion”, *International Security*, 44(1), 42–79 (in Russ.), DOI: 10.1162/isec_a_00351.

Hirschman, A. O. (2009), *Vykhod, golos i vernost: reaktsiya na upadok firm, organizatsiy i gosudarstv* [Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States], Translated by Pinsker, B., Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Kinder, M., Stalder, L. and Du, J. (2020), “Examining options to boost essential worker wages during the pandemic”, *Brookings Institution* [Online], available at: <https://www.brookings.edu/articles/examining-options-to-boost-essential-worker-wages-during-the-pandemic/> (Accessed 12 January 2026).

Link, B. G. and Phelan, J. (2014), “Stigma power”, *Social Science & Medicine*, 103, 24–32, DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.09.011.

- Lovakov, A. V. (2013), “Cognitive and behavioral strategies for overcoming the effect of dirty work”, *Social Psychology and Society*, 4(3), 153–162 (in Russ.). EDN: RBTQQF
- Lukes, S. (2010), *Vlast': Radikalny vzglyad* [Power: A Radical View], Translated by Kyrlezhev, A. I., Publishing house of the State University – Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).
- Mitchell, T. (2014), *Uglerodnaya demokratiya: Politicheskaya vlast v epokhu nefi* [Carbon Democracy: Political Power in the Age of Oil], Translated by Kralachkin, D., Delo Publishing House of RANEPА, Moscow, Russia (in Russ.).
- Olson, M. (1995), *Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups], FEI, Moscow, Russia (in Russ.).
- Parsons, T. (1991), *The Social System*, with a new preface by Turner, B. S., Routledge, London, UK.
- “Resilient enterprise: How to increase supply chain reliability and maintain competitive advantage” (2016), *Strategic Decisions and Risk Management*, 6(99), 110–113 (in Russ.).
- Schelling, T. C. (2008), *Arms and Influence*, Yale University Press, New Haven, CT, USA.
- Scott, J. C. (2025), *Oruzhie slabyykh: povsednevnye formy krest'yanskogo soprotivleniya* [Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance], Translated by Protsenko, N., Tsiolkovskiy, Moscow, Russia (in Russ.).
- Star, S. L. and Strauss, A. (1999), “Layers of Silence, Arenas of Voice: The Ecology of Visible and Invisible Work”, *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 8(1–2), 9–30. DOI: 10.1023/A:1008651105359.

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРАХ:

Щеглов Алексей Константинович, аспирант кафедры Р10 «Философия», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», ул. 1-я Красноармейская, д. 1, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия; alex.sbt@mail.ru

Лысенко Елена Михайловна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры Р10 «Философия», факультет «Р» Международного промышленного менеджмента и коммуникации, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», ул. 1-я Красноармейская, д. 1, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия; lem280662@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alexey K. Shcheglov, Graduate Student of the Department P10 “Philosophy”, D.F. Ustinov Baltic State Technical University "VOENMEKH", 1 1st Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia; alex.sbt@mail.ru

Elena M. Lysenko, Doctor of Philosophy, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of P10 "Philosophy", Faculty "P" of International Industrial Management and Communication, D.F. Ustinov Baltic State Technical University "VOENMEKH", 1 1st Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia; lem280662@mail.ru